

Из динамика телефона раздался взрыв хохота.

Снимавший был явно не один. Они переговаривались на мандарине с сильным акцентом — Нин Цюянь почти ничего не разобрал, но вскоре увидел, как в кадре появился кусок свинины.

Кто-то швырнул его, и существо, прикованное цепью, — нет, не человек, чудовище — кинулось и принялось жадно пожирать мясо.

Спустя несколько мгновений его стошнило. Оно, скрючившись, изрыгало содержимое на пол, а потом снова яростно бросилось в сторону камеры.

Видео было коротким. Последний размытый кадр застыл на шее существа, стянутой цепью.

— Что это? — спросил Нин Цюянь.

— Страшно? — Рэй забрал у него телефон и с недоумением в голосе произнёс: — Видео обрывочное, чёрт его знает, что это. Между собой они называют эту штуку вампиром.

Вампиром.

Нин Цюянь не мог поверить. Сердце загрохотало, в ушах зазвенело, мысли смешались в хаос.

Вампиры существуют? Видео — подделка? И есть ли связь между этим «вампиром» и теми убийствами?

— Вампиров не бывает, — машинально повторил он слова Су Цзяньчжоу. — Полностью антинаучно.

Заметив его реакцию, Рэй сказал:

— Да называй как хочешь. Суть в том, что это видео было у каждого продавца «Фантазии» — они рассылали его покупателям. У нескольких моих знакомых тоже есть копия.

Ладони Нин Цюяня стали влажными. Он постарался сосредоточиться:

— Зачем продавцы его показывали?

Рэй убрал телефон. Исхудавшее лицо, но в глазах — лихорадочный блеск:

— Они говорили, что «Фантазия» — натуральный продукт. И гарантируют это именно потому,

что её экстрагируют из такого существа. Раньше я думал: даже если это вампир и вампиры реальны — разве их так просто поймать? Видео разошлось слишком широко, скорее всего, это просто маркетинговая уловка для продвижения товара. Наверняка синтетика.

— ...Синтетика? — эхом откликнулся Нин Цюянь.

— Кто знает, правда или нет, — продолжил Рэй. — Но столько людей погибло — мы все думаем, что дело нечисто...

Оказывается, Нин Цюянь был не единственным, кого не убедила официальная версия.

Это он сходит с ума — или весь мир?

— Полиция наверняка что-то нарыла. Новости — пыль в глаза, — вернулся к главному Рэй и посмотрел на Нин Цюяня умоляющими глазами. — Правда это или нет, я не хочу проблем.

Они стояли молча.

Рэй снова заговорил:

— У меня осталось совсем чуть-чуть... Продавец мёртв, больше не купишь. Допью — и всё. Завяжу. Никого не подставляю. Сяо Нин, пожалуйста, не рассказывай.

Нин Цюянь уже сам не знал, что делать. Он словно невольно оказался замешан в нечто, к чему не должен был прикасаться, — нечто, выходящее далеко за пределы его понимания.

Ему восемнадцать. Он хотел всего лишь работать, возвращаться домой, в следующем году спокойно поступить в университет.

Ничего из этого не должно было иметь к нему отношения.

Но рот его сам собой спросил:

— Есть ещё видео?

Рэй сказал — нет.

Наконец Нин Цюянь собрался с мыслями:

— Я всё равно скажу менеджеру, что ты был здесь. Если он тебя спросит — отвечай сам.

С этими словами он вернулся к своему шкафчику, запер его и вышел обратно в зал. Встретив менеджера, сообщил, что Рэй в раздевалке и что ему, кажется, нездоровится.

В конце смены он увидел Рэя и менеджера — те стояли в служебном коридоре и разговаривали.

Проходя мимо, Нин Цюянь поймал на себе взгляд Рэя.

В этот раз он забыл взять горячее молоко.

Он вспомнил об этом, лишь когда отошёл от «N°» далеко и руки одеревенели от холода.

На улице не было ни души.

На перекрёстке Нин Цюянь оглянулся по сторонам — нигде не заметил тех незаметных людей в чёрном. На этот раз привычное ощущение защищённости исчезло.

Снег лежал повсюду. За пределами фонарного круга всё было чёрным. Переулки — чёрные, дома — чёрные, тени под деревьями — чёрные.

Лёгкость и радость от подарка Гуань Хэна бесследно испарились. Нин Цюянь, не отрывая взгляда от тёмной тишины за спиной, попятился на несколько шагов, потом засунул руки в карманы и побежал домой.

Дома сердце всё ещё колотилось — быстро, сильно.

Он запер дверь и окна, сел на стул и долго приходил в себя.

Телефон пискнул — этот крошечный звук чуть не подбросил его на месте. Открыл — пустяковое уведомление из соцсети.

Вернувшись на главный экран, он снова увидел сообщение от Гуань Хэна.

Гуань Хэн: [Инструмент обретает ценность, только когда на нём играют.]

Могут ли такие мудрые и мягкие слова принадлежать тому существу?

Нин Цюянь не мог связать Гуань Хэна с монстром из видео.

Он должен был признать: все его прежние догадки и фантазии были окрашены в

романтические тона. Если видео подлинное, то, возможно, именно так выглядит «вампир» в реальности.

Всю ночь Нин Цюянь мучили кошмары.

На этот раз даже без томительной прелюдии. Ему снилось, что он бежит по острову Ду — как в ту первую ночь, когда раздались выстрелы. Лес смыкался, выхода не было, а за ним гнался человекоподобный монстр.

Он видел, как рядом с кровавым пятном на снегу лежит тело — не олень, о котором говорил дядя Кан, а человек с растерзанной, искусанной шеей.

А потом — Гуань Хэн. Босой, в серебристо-сером халате, невозмутимо-прекрасный. С его идеально очерченных губ стекала струйка крови.

«Тук-тук-тук».

Стук в дверь.

Нин Цюянь вынырнул из кошмара, нащупал на лбу холодный пот.

Тяжело дыша, подгоняемый непрекращающимся стуком, он, пошатываясь, добрёл до двери и заглянул в глазок.

У Цзинье. С пакетом в руках.

Он открыл:

— Тётя.

Замок Нин Цюянь уже сменил.

У Цзинье сначала посетовала, что он долго не открывал, потом отнесла продукты на кухню. Открыв холодильник, ахнула — откуда столько всего, — а затем вернулась в гостиную.

— Что с тобой? — спросила она. — Ужасно выглядишь.

— Кошмар приснился, — ответил Нин Цюянь.

На нём была одна пижама, волосы всклочены, худой — казалось, упадёт от ветра.

У Цзинье стояла не приближаясь. Без особой теплоты сказала:

— Скоро Новый год. Принесла тебе кое-что. И хотела спросить — может, приедешь к нам? Вместе отметим.

Нин Цюянь — маленькое лицо, большие глаза, взгляд, который всегда казался простодушным.

Этими простодушными глазами он посмотрел на тётю:

— Я не поеду. Ты ведь всё равно меня не любишь.

Причины обоим были известны.

Помолчав, У Цзинье сказала:

— Деньги, которые ты перевёл, я получила.

Нин Цюянь кивнул:

— Остальное тоже верну. Постепенно.

Но У Цзинье возразила:

— Не надо. Ты уже переплатил. — Она назвала сумму. — После того как я за тебя раздала все долги, осталось ещё несколько десятков тысяч. Я переведу тебе, пригодится на учёбу.

Нин Цюянь не понимал. Он не переводил столько. У него и не было столько. Откуда У Цзинье взяла эту цифру?

Не успел он спросить, как она добавила:

— Не знаю, откуда у тебя такие деньги, но я верю, что ничего противозаконного ты не делаешь. Ты мне ничего не должен, и я тебе тоже.

Слова были ледяными.

Ни вопроса, откуда деньги, ни беспокойства, не в беде ли он.

— Когда был перевод? — спросил Нин Цюянь.

У Цзинье назвала дату.

Нин Цюянь замер. Кажется, он знал... Скорее всего, это Гуань Хэн.

«Я беру на себя все твои потребности».

Так говорил ему Гуань Хэн.

Визит У Цзинье напомнил ему о его одиночестве — и одновременно обо всём, что делал для него Гуань Хэн.

Плотное, давящее чувство обступило его со всех сторон, сковывая. Властность Гуань Хэна, его контроль — всё это, казалось, исходило из заботы о потребностях Нин Цюяня. И на мгновение ему стало стыдно — за то, что в кошмаре он так опорочил Гуань Хэна.

— Опять покупаешь эти вещи, — У Цзинье смотрела на гитарный футляр на столе. На лице мелькнула печаль. Слова, которые она хотела сказать, так и не были произнесены. — Живи хорошо. Она смотрит на тебя оттуда.

Она схватила сумку и на каблуках вышла за дверь.

В футляре лежала гитара от Гуань Хэна.

Нин Цюянь достал её, понимая, что теперь ни расплатиться, ни ответить равноценным подарком он не сможет — никогда.

В Новый год Нин Цюянь получил поздравление от Су Цзяньчжоу, дежурившего в больнице, — явно массовую рассылку, точь-в-точь как от остальных однокурсников. А потом — совсем другое сообщение.

Лу Цяньцюэ: [С Новым годом, щеночек! Тебе понравилась подушка-обнимашка?]

Нин Цюянь сидел, зажав подушку между ног, уютно устроившись в её тряпичных «объятиях»:

[С Новым годом. Нет, не понравилась.]

Лу Цяньцюэ: [Враньё — не для хороших мальчиков.]

Нин Цюянь подумал, что Лу Цяньцюэ, который выглядел ненамного старше его, выражается порой очень странно.

Лу Цяньцюэ: [Не хочешь поздравить господина с Новым годом?]

Нин Цюянь посмотрел на залитое светом окно.

Гуань Хэн сейчас наверняка спит.

Лу Цяньцюэ: [В телефонной книге у господина почти нет контактов. А ты — один из них.]

Лу Цяньцюэ: [Жаль, мой вертолёт забрал ребёнка дома, а то бы я слетал к господину, составил компанию.]

Лу Цяньцюэ: [Вот бы один щеночек написал ему — было бы здорово.]

Нин Цюянь: «...»

Как Лу Цяньцюэ умудрялся быть таким ледяным в электронных письмах?

Нин Цюянь перевернулся на кровати раз, другой — и всё-таки стал серьёзно набирать текст:

[Господин Гуань, с Новым годом! Желаю вам скорейшего выздоровления] — он запнулся, стёр «скорейшего выздоровления» и написал «крепкого здоровья». Снова запнулся — и удалил «крепкого здоровья» тоже.

Для тяжело больного человека слова порой бессильны. Он знал это лучше, чем кто-либо.

В итоге отправил просто: [Господин Гуань, с Новым годом! Желаю, чтобы в новом году всё было так, как вы хотите.]

К его удивлению, ответ пришёл мгновенно.

Гуань Хэн: [С Новым годом.]

Нин Цюянь выглянул в окно: точно, сейчас — день.

[Я думал, вы отдыхаете.]

Гуань Хэн: [Они празднуют. Петарды слишком громкие.]

Нин Цюянь невольно улыбнулся.

Такой Гуань Хэн казался ему непривычным — живым, настоящим, почти домашним. Он мог представить, как тот, полуприкрыв глаза, лениво набирает эти слова.

Люди на острове и без того старались не тревожить чуткий сон Гуань Хэна. Петарды, конечно, зажигали где-то очень далеко, — но с его пугающим слухом он всё равно слышал.

И тут Нин Цюянь снова вспомнил монстра из видео. Расслабленное тело мгновенно напряглось, руки и ноги заledenели.

Через несколько дней ему предстояло ехать на остров.

Из-за того видео он в последнее время то и дело вспоминал два кровавых отверстия на шее, обнаруженных после первого визита, и красную жидкость в бокале Гуань Хэна.

Его бросало из леденящего ужаса — в чувство абсолютной защищённости, которое давал Гуань Хэн.

Но, пожалуй, сильнее всего оказалось любопытство. Так или иначе, Нин Цюянь больше не мог терпеть эту качку.

В тот вечер он закончил смену раньше. Стоя перед «N°», он допил горячее молоко, продрог до дрожи — и дождался, пока отыгравшая группа наконец вышла.

Рэй, увидев, что тот ещё здесь, остановился:

— Ты чего не ушёл?

Полночь. С неба сыпал снег.

Нин Цюянь глотнул ледяного воздуха и сказал:

— Можно мне ещё раз посмотреть то видео?